

Пэй Чэньцзин с самого начала этого вечера в отдельном кабинете непрерывно пил, хотя из всех присутствовавших он не знал никого, кроме Цзян Тина.

Но все они были друзьями Цзян Тина, а тот редко брал его с собой в компании, так что Пэй Чэньцзин не хотел портить им настроение. Он осуждал каждый бокал — в том числе и те, что предназначались Цзян Тину. У Цзян Тина был слабый желудок, ему нельзя было пить, и в прошлом он даже попадал в больницу из-за алкоголя, поэтому Пэй Чэньцзин выпивал за него.

Свою способность переносить алкоголь Пэй Чэньцзин, пожалуй, унаследовал от отца: сказать, что он мог выпить тысячу чаш и не опьянеть, было бы преувеличением, но обычно никто не мог свалить его первым. Увидев, что он осушил столько рюмок и даже лицом не покраснел, те люди начали подначивать его. Один из них, уже изрядно захмелевший, вдруг поднялся на ноги:

— Мелкий Цзэй, кажется? Настоящий мужик! Не то что тот, кого он таскал с собой раньше, как его звали-то...

У Пэй Чэньцзина дрогнула рука, но он с совершенно невозмутимым видом отозвался:

— Сюй Юань.

— А, точно, Сюй Юань! За него всё Цзян Тин выпивал, какая скука. То ли дело ты! пей!

Тогда Пэй Чэньцзин запрокинул голову и осушил рюмку до дна. Жгучая алкогольная жидкость обожгла рот и горло, словно он проглотил комок пламени.

Пил он слишком поспешно, поэтому, когда он сел, у него слегка закружилась голова. Не удержавшись, он скосил взгляд на сидевшего рядом Цзян Тина, но тот за весь вечер так и не удостоил его ни единым взглядом, не попытался отвести от него ни бокала, и даже когда остальные подначивали Пэй Чэньцзина пить, Цзян Тин не произнес в его защиту ни слова.

Подумать только, Цзян Тин ведь умел пить за других... Жаль только, что тем человеком был не он. Пэй Чэньцзин почувствовал тяжесть в груди, вытащил пачку сигарет и легонько постучал ею перед глазами Цзян Тина:

— Я выйду покурить.

— Угу.

Цзян Тин лишь кивнул и по-прежнему не посмотрел на него.

Его одержимость началась именно с этого профиля. Возможно, такокова была судьба — впоследствии Цзян Тин оставлял ему в основном свой профиль или же просто затылок. Если вдуматься, Пэй Чэньцзин порой даже не мог четко вспомнить лицо Цзян Тина.

Шутка ли, даже в самый последний миг жизни, когда в памяти не останется вообще ничего,

Пэй Чэньцзин не забудет лицо Цзян Тина. Казалось, оно было высечено на его костях и растворилось в его плоти и крови, так что теперь их было невозможно разделить.

Он дошел до конца коридора и распахнул окно. За стеклом шумел осенний ветер, повсюду пел желтизной увядающий пейзаж, но ворвавшийся внутрь сквозняк неожиданно протрезвил его — остатки хмеля тут же рассеялись.

Об имени Сюй Юаня он слышал уже давно: некогда тот был его соперником в любви. Пэй Чэньцзин находил, что занимался жалкими самообольщениями — разве мог он равняться с Сюй Юанем? В сердце Цзян Тина его собственный вес был не больше птичьего пёрышка, в то время как Сюй Юань казался бесценным сокровищем из яшмы, и сравнивать их было просто бессмысленно.

Он изо всех сил старался прибавить себе веса в глазах Цзян Тина, но результат вечно оставлял желать лучшего. За столько лет его единственным достижением, пожалуй, было лишь то, что он поселился в доме Цзян Тина и делил с ним постель. Но он принимал это с радостью, даже зная горечь.

Сигарета истлела наполовину, когда дверь кабинета вдруг распахнулась. Пэй Чэньцзин подумал, что это Цзян Тин вышел поискать его, но, обернувшись, увидел лишь вывалившихся в коридор людей, которые толкали и теснили друг друга. Шумно прощаясь, они разошлись, даже не дождавшись, пока Пэй Чэньцзин вернется.

Цзян Тин вышел последним. Проводив остальных, он посмотрел на Пэй Чэньцзина:

— Идем?

Он не подошел ближе. Пэй Чэньцзин подумал: наверное, потому, что он курил, а Цзян Тин терпеть не мог запах табака. Из-за этого Пэй Чэньцзин, который раньше выкуривал не меньше двух сигарет в день, уже очень давно не брал их в руки, и лежавшая в кармане полупустая пачка даже отсырела, так что курить было неприятно.

Он промолчал, и Цзян Тин нахмурился:

— Что ты опять устраиваешь?

От этих слов Пэй Чэньцзину стало не по себе. Цзян Тин всегда был таким: он остро чувствовал чужое недовольство, но все причины неизменно спихивал на его пустые капризы.

Пэй Чэньцзин горько усмехнулся про себя:

— Иди первым, я хочу еще немного подышать воздухом.

Цзян Тин помедлил:

— Как знаешь.

Он словно заранее был готов развернуться и уйти. Пэй Чэньцзин видел, как догорает зажатая между пальцами сигарета, и, глядя в спину уходящему Цзян Тину, с силой сжал окурочок прямо в ладони. Острая боль от ожога пронзила руку, и Пэй Чэньцзин подумал — ну вот и всё.

Он бросил окурочок в урну и снова посмотрел в окно. Работники ресторана уже вовсю убрались в кабинете, а знакомый автомобиль тем временем отъехал от входа, влился в поток машин и постепенно скрылся из виду, не выказав и капли сожаления.

Казалось, Цзян Тин всегда был именно таким — он всегда смотрел только вперед, всегда шел только вперед и никогда не оборачивался на того, кто плелся следом. А он сам все бежал и бежал за Цзян Тином, преследуя его по пятам целых пять лет.

Раньше Пэй Чэньцзину стоило лишь увидеть Цзян Тина, как в нем просыпались неисчерпаемые силы, но сегодня он почему-то почувствовал себя ужасно уставшим.

Его рука нашарила пачку сигарет, он покрутил ее в пальцах и сунул обратно.

Ладно уж, курить было не так уж приятно, к тому же Цзян Тин этого не любил.

Домой Пэй Чэньцзин шел пешком. Когда он вышел из ресторана, было уже поздно; он потратил больше часа на дорогу, шагал сквозь ветер, выветривая со своей одежды запах табака, и добрался до дома за полночь.

Цзян Тин не позвонил ему ни разу, чтобы спросить, где он находится. Пэй Чэньцзин думал, что тот, наверное, разозлился — хотя, даже если бы не злился, он все равно бы не позвонил.

Но когда Пэй Чэньцзин наконец добрался до места, он не смог открыть дверь и на мгновение замер на пороге. У Цзян Тина была привычка запирать дверь на засов перед сном. Перепробовав несколько раз и поняв, что дверь действительно заперта наглухо, он вдруг рассмеялся — его руки и все тело дрожали. С силой вжав ногти в ладони, он с трудом подавил подступившие к глазам слёзы.

До чего же смешно: глубокой ночью оказаться запертым у собственного порога. Нет, это вовсе не его дом! Пэй Чэньцзин впервые так отчетливо осознал: это был дом исключительно Цзян Тина, и пусть великая милость Цзян Тина позволяла ему здесь жить, сам он оставался лишь чужаком, совершенно здесь неуметным.

В телефоне оставалось всего одно деление батареи. Когда он попытался забронировать номер в гостинице, экран резко потемнел — телефон окончательно разрядился. При нем не было ни наличных, ни документов, и в этом огромном городе у него не нашлось даже друга, к которому можно было бы обратиться за помощью.

В этот момент он стал по-настоящему свободным человеком, но одновременно оказался заперт здесь, и податься ему было совершенно некуда.

Пэй Чэньцзин вдруг вспомнил старую поговорку: беда не приходит одна. Древние не лгали.

<http://bllate.org/book/26721/3200398>